

Говорушко Раиса Осиповна

Родилась я в 1935 году, 23 ноября. Эти данные взяты со слов моего отца. Он возил меня в районный центр для определения примерного возраста в пос. Залари Иркутской области в 1946 году. Мама тоже не помнила точно, я была пятым ребёнком в её 30 лет.

В 1939-40 гг. был призыв правительства заселять сибирские просторы. Из Горьковской области родители, захватив всех детей, рванули с земляками в далёкую, но привлекательную Сибирь. Мне было немного лет, но я хорошо помню товарняк с завербованным народом. Нас высадили на станции Кутулик Иркутской области, колхоз имени Сталина. Выкопали землянки и готовили лес для строительства. Леса замечательные, рощи берёзовые, цветочные поляны, много земельных площадей.

Но грянул страшный 1941 год. Отца призвали в июле месяце 41 года, отправили эшелон на Дальний Восток. Многие односельчане отправились на запад. Село опустело без мужиков. Работали женщины, подростки и старики. Мне кажется, что я каждый день войны помню. Около конторы висела «тарелка», где сообщали сводки с фронта. Было голодно, холодно, - нищета. Мы не успели обжиться. Помню, как бабы голосили, получив похоронку. Школа была четырёхлетка. Одна комната и коридор. Учились вместе 1 и 3 классы, 2 и 4 классы во вторую смену. 5 класс уже в районном центре за 8 км. Но мало было пятиклассников.

Мою маму назначили конюхом, уходила на работу в 6 утра и до позднего вечера. Братя Коля, Вася косили, пахали, выполняли и другие работы. Самому младшему братишке было 6 месяцев, родился он 18 января 1941 года. Сестра моя Анастасия пасла овец, подключала иногда меня к работе, но на меня была плохая надежда.

Все ждали, когда же откроют второй фронт, мы - дети не понимали зачем, но тоже ждали. И кое-что изменилось, когда открылся. Нам дали ботинки на деревянной подошве, а в школе развешивали хлеб по 125 грамм. Развозили импортные вещи, нам досталось ворсистое пальто на атласной подкладке. Из подкладки мама сшила две рубашки маленьким, а пальто – вместо одеяла. Описать сложно, как мы пережили эти годы, но я очень хорошо это помню.

Вернулся отец в октябре 1945 года с медалью «Победа над Японией». Был такой момент, что отец пока не был колхозником. В 60 км от колхоза была шахта «Владимир», а станция называлась Хотхор. Туда мы и удрали. Опять выкопали на краю села землянку и начали готовить лес. Помогали все дети: пилили, убирали сучья. Помогали соседи. И получился неплохой домик.

Сложили печь с плитой, отгородили кухню, смастерили для родителей кровать, а мы все спали на полу, а летом - на чердаке. Пошли в школу. Я в четвёртый класс.

Какие красивые места были! Столько много было клубники и земляники, грибов, черёмухи! Сажали огороды большой площадью. Мы накапывали картошки по 120 мешков - это был основной продукт нашей жизни. Здесь я окончила 7 классов и поступила в горный техникум в городе Черемхово на геологическое отделение, группа ГУМ-16. Уклон был для работы на угольных месторождениях. Стипендия у нас была довольно высокая по сравнению с другими. На первом курсе – 290 рублей, на втором – 360, на третьем – 400, на четвёртом курсе – 490 рублей. Я получала стипендию больше отцовой зарплаты. Стипендией пользоваться не приходилось, надо было помогать семье. Практику проходили в разных местах на угольных месторождениях, – в Читинской области, в самом Черемхово, а дипломную – на Северном Урале.

Окончила техникум в 1954 году, вышла замуж. Направили нас в город Хабаровск, а из Хабаровска послали во вновь образованную в Приморском крае партию – Бурлитскую, где проходили поиски угля. Находилось месторождение между станциями Ласточка и Бурлит. Сейчас там город Лучегорск с населением в 20 тыс. человек. Бурили скважину №3, уголь был, вели разведку. И закончила я документировать скважину №603. Партия удачно работала, появились буровые станки новых моделей. Ставили рекорды. К нам в 1958 году приезжала делегация из Китая, познакомились с нашей работой. Затем защита отчёта, всё прошло успешно.

И полетели мы на самолёте ПО-2 в посёлок Майский Еврейской автономной области с минимумом вещей – 1 чемоданчик. Там я документировала скважины, искали бериллий. Объект работ был на одном берегу реки Биджан, а камералка на другом, возили катером. Потом летом построили подвесной мост. Сначала чуть ли не ползком добирались, потом научились переходить. Через год партию закрыли. Запасы посчитали. Когда-нибудь пригодится.

Опять улетали на ПО-2, тоже без вещей, тот же чемодан. После этого перевели в экспедицию стройматериалов, послали документировать бурение шарошками, искали кварцевый песок близко к реке Амур. Ветрище, помёрзли мы там.

Понадобилась я на комплексный отчёт по угольным запасам и перевели меня в Нылгинскую партию. Отчёт писали в Хабаровске, затем защищали в Москве. Отчётом руководил Довгалёв Владимир Максимович - участник в ВОВ, инвалид, награждённый Орденом Красного Знамени.

Поехали на 10 дней, а пробыли больше месяца. Оказывается, появились новые кондиции по угольным запасам. Кое-что переделывали. В 1968 году были утверждены запасы ГКЗ СССР по Свободному буроугольному месторождению.

После приезда из Москвы перевели меня в Сихотэ-Алинскую партию, которая начала работы по поиску олова в 120 км от города Советская Гавань, где была наша база. Работали там около 6 лет на трёх участках. Была там метеостанция и аэродром. Всё завозили самолётами Ан-2. Бурили, потом была штольня.

Я попала в Таусинский, в 9 км от посёлка Мопау (вроде как медведь). На Таусинском участке завозили всё вездеходами, высота сопков до 1360 м. Там у нас случилась авария на высоте 900 м, отказали тормоза у ГТТ и мы покатались вниз как консервная банка. Авария без жертв, ушибы, синяки, а мне досталось немало – у меня повредился позвоночник, была большая гематома и подкожное кровоизлияние, 1,5 месяца находилась в больнице. Руководил партией сначала Болдовский, затем Толстой (забыла инициалы) и последним был Комаров В.А. Главный геолог Егоров А.Г. – умнейший геолог. Потом интерес к олову пропал и партию закрыли.

Как раз было открыто месторождение Солнечное. Отправляли всех по разным объектам. Я попала в Комсомольскую экспедицию. Работала некоторое время на скважинах и опять пришлось ехать, вернее лететь в село Удское, где открыли новый объект – Ирнимийская партия на фосфориты. Начальник Комаров В.А., главный геолог Удской экспедиции был Егоров А.Г. Настоящая тайга, лес, буреломы, медведи, высокие сопки – труднодоступное место. Мы побаивались ходить на канавы. Раз в месяц прилетал вертолёт, привозил всё необходимое и продукты. Речка горная, полно ленка и другой рыбы, которая нам не помешала. Находилась партия в 90 км от Удского, где главные жители нанайцы и эвены, там и школа была.

Однажды в караульное жилище стал ломиться медведь и охранник его убил. Утром шатуна ободрали, мясо поделили и, конечно, съели. Он оказался больным и в берлогу не залёг. И все отравились. Решили, что это какой-то серьёзный грипп. Все рабочие не могли ходить на работу, я им писала бумагу, что действительно болеют, болят все суставы, температура, голова. Это было на ноябрьские праздники. Кто-то из рабочих вылетал в экспедицию, останавливался в доме и оставил кусок этой отравы. Был Новый год, собрались друзья, захотели строганины. Нашли кусок, нарезали, поперчили и закусили им, каждый по-разному. И, конечно, все заболели: я, Егоров А.Г., Комаров В.А., Цивинский В.Н., Захватов Г. Положили в Удском в больницу.

Главный геолог улетел с отчётом в геологическое управление сразу после нового года. Там его и настигла беда, он умер, не смогли спасти. Лекарства в то время не было. Меня из Удского вывезли в Николаевск, где я была около месяца. Мужчины покрепче очухались. Мы уехали в отпуск, в Краснодарский край, к моим родным, где нас ждала телеграмма от Онихимовского, чтоб Комаров вылетал в Охотск на новое место в Охотском районе. Сразу мы по состоянию здоровья не могли лететь.

Взяли путёвки в Дом отдыха в Прибалтике, отдохнули, поправились и полетели в Хабаровск. Правда, я через месяц в Охотск прилетела, а Комаров строил партию Девокша. Первые дома строили без досок, пол был из жердей. Потом привезли пилораму, строили симпатичные дома из бруса. Построили дробилку, клуб, помогала молодёжь. Были поиски, потом заложили штольню, подземное бурение, но по штольне и бурению анализы были неутешительные, хотя по металлке было прилично по анализам. Посёлок стоял на берегу речки, крутой склон, место весёлое и красивое, с грибами, брусникой.

В тот момент по поискам в другом месте обнаружили содержание золота в кварцевых жилах. Девокшу прикрыли и перебрались на речку Юрьевку. Опять строительство, штольня, бурение и другие работы. Было почтовое отделение, клуб с киноустановкой, даже кое-где тротуары воздвигли. Главный геолог был сначала Перминов Б.И., затем Слободской. Начальником – Комаров В.А., Прокопов А.М. Климат – зимой температура доходила до -55° , летом жарко. Зимы снежные. Как-то зимой навалило снегу до печных труб. Транспорт, в основном, старый бульдозер, вахтовка, водовозка. Вездеход ГТТ всё время ремонтировали, хотя водитель был ас. Зона Комсомольская не разочаровала. Золото и серебро были. Народ был, в основном, молодой, но тяготеющий к алкоголю. За этим строго следили, кое-кого увольняли. Река Юрьевка впадает в большую реку Урак. Это рыбная река – хариус, мальма, даже на зиму заготавливали. Частенько были лесные возгорания. Страшно! Один раз близко к посёлку подошёл пожар. Боролись все, дежурили, бульдозером окапывались. ЧП не было. Отчёт писали в Хабаровске, руководил главный геолог Слободской. Материалы по запасам сдали куда требуется. Металл получила страна, труд оправдался.

Поехали на новые площади. Участок Ульяновский, искали россыпное золото. Был у нас бульдозер и маленький трактор. Построили два общежития, радиостанцию, баню, пекарню и склад. Света не было. Приспособили керосиновые лампы – солярка, фитили делали из суконных портянок, стёкла из стеклянных банок 0,6 литров, вымораживали дно, а сверху бумажный колпак. На ручьях Амундакит, Бурулит, Давакит проходили шурфы. Был металл. Рыли траншеи глубиной до 6 м. Я документировала, отбирала пробы,

затем занялась зимней промывкой, чтобы план был выполнен. Зимы холодные, солярка летняя. Иногда бульдозер завести для работы уходило до 5 часов и больше. Запасы посчитали и сдали отчёт. Золото пошло в закрома казны. Старший геолог был сначала Корабельников Е., затем Бутвин В.Н.

Поработала в Охотске в камералке некоторое время и случилось с Комаровым несчастье – инсульт. Поэтому пришлось идти на пенсию и уезжать в Хабаровск. Работа моя в геологии закончилась.

Охотск в то время был шумным и рабочим посёлком. Стояли на рейде рыболовные суда, рыбные заводы, – всё это действовало. Работала гостиница, куда многие работники экспедиции поселились, питались в ресторане, что-то брали в Кулинарии. Экспедиция внесла в жизнь Охотска что-то интересное, романтическое. Много молодёжи из геологов и рабочего класса, много и романтиков с гитарой.

Открывались поисковые отряды в разных районах. Раньше было открыто Хаканджинское месторождение с хорошими запасами золота и серебра. Построили жильё – двухэтажные и одноэтажные дома для работников и стали осваивать отдалённые площади. Все дома на нашей улице Лермонтова были окрашены в зелёный цвет. Это придавало ощущение какой-то свежести. Со временем организовали вокальный кружок, а затем набрался и хор. На праздничных мероприятиях выступали. Проводили вечера поэзии. В общем, не отставали от жизни. Работники экспедиции внесли свой вклад в копилку казны. Потекло и наше золото, и серебро, а также платина. Руководителей экспедиции было несколько. Самым запомнившимся был Шульга В.В. и главный инженер Драгомиров В.В., главным геологом был Мальцев В.Г. Экспедиция выполнила своё предназначение.